

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI: 10.31862/1819-463X-2022-1-11-19

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПОЭМЕ А. Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Чжан Вэй

Аннотация. В статье предпринята попытка охарактеризовать нравственно-этическую концепцию жизни и смерти в одном из самых известных произведений А. Т. Твардовского – поэме «Василий Теркин». Новизна исследования состоит в том, что впервые произведение рассматривается с точки зрения когнитивного литературоведения. В центре внимания автора – концепт «мужество» как один из ключевых концептов, в которых репрезентируется нравственно-этическая концепция жизни и смерти через ряд мотивов и образов. Начиная от заглавия и подзаголовка и заканчивая последней главкой текста, идея мужества эксплицитно и имплицитно пронизывает все произведение и звучит как нравственный императив поэта. Концепция жизни и смерти в «Книге про бойца» рассматриваются автором в системе нравственных, национально детерминированных координат, мужество же соотносится с народными представлениями о русском богатыре, широкой душе и непоколебимом желании жить. Автор приходит к выводу, что концепт «мужество» является одной из форм репрезентации нравственно-этической концепции жизни и смерти в «Василии Теркине» и воплощает мудрость народа, его представления об идеале защитника Родины, в которых постулируются высокие нравственные качества, такие как честь, достоинство, глубокое понимание долга.

Ключевые слова: жизнь и смерть, концептуальный анализ, концепт «мужество», поэзия Великой Отечественной войны, А. Т. Твардовский, Василий Теркин.

Для цитирования: Чжан Вэй. Нравственно-этическая концепция жизни и смерти в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин» // Наука и школа. 2022. № 1. С. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-1-11-19.

© Чжан Вэй, 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE MORAL AND ETHICAL CONCEPT OF LIFE AND DEATH
IN A. T. TVARDOVSKY'S POEM „VASILY TERKIN”

Zhang Wei

Abstract. *The article attempts to characterize the moral and ethical concept of life and death in one of the most famous poems of A.T. Tvardovsky „Vasily Terkin”. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the work is considered from the point of view of cognitive literary criticism. The author focuses on the concept of „courage” as one of the key concepts, which represents the moral and ethical concept of life and death through a number of motifs and images. From the title and subtitle to the last chapter of the text, the idea of courage explicitly and implicitly permeates the entire work and sounds like the poet’s moral imperative. The concept of life and death in the „Book about a Fighter” is considered by the author in a system of moral, nationally determined coordinates, while courage is correlated with popular ideas about the Russian hero, a big heart and an unshakable desire to live. The author comes to the conclusion that the concept of „courage” is one of the forms of representation of the moral and ethical concept of life and death in „Vasily Terkin” and embodies the wisdom of the people, their ideas about the ideal of the defender of the Motherland, in which high moral qualities are postulated, such as honor, dignity, deep understanding of duty.*

Keywords: *life and death, conceptual analysis, the concept of „courage”, poetry of the Great Patriotic War, A. T. Tvardovsky, Vasily Terkin.*

Cite as: Zhang Wei. The moral and ethical concept of life and death in A.T. Tvardovsky’s poem „Vasily Terkin”. *Nauka i shkola*. 2022, No. 1, pp. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-1-11-19.

«Василий Теркин» А. Т. Твардовского – это признанная «энциклопедия русской жизни» на самом важном и трудном его повороте» [1, с. 433]; главный же герой – «широкая, жизнерадостная, добродушно-гуманная русская натура, „щедрое сердце”, „помочь любитель”, человек с открытой душой, соединение душевности и благородства, брызжущего остроумия и веселости, естественности и природной сметливости, мудрости – с выдержкой и терпением, жизнестойкостью, смелостью (но – не до безрассудства!), высокоразвитым чувством воинского долга, ответственности, скромной готовностью к подвигу» [2, с. 416]. В предисловии к шеститомному собранию сочинений К. М. Симонов писал: «Само жизнелюбие Теркина, его жизнестойкость в своей сущности, в первооснове

являлись верой в победу, в бессмертие и непобедимость народа» [3, с. 7]. Как видно из приведенных высказываний, которые можно продолжить, в образе Василия Теркина воплощены идеи жизни и противостояния смерти.

При этом Теркин, по замыслу автора, не особенный, не исключительный, он такой же, как многие, рядовой боец, «порождение народной массы, которую от плуга, от станка призвали защищать Родину» [1, с. 187]; «это портрет динамический, собирательный» [4, с. 9]. В Теркине воплощены «устойчивые, исконно народные черты национального характера» [5, с. 12]. Как пишет В. С. Баевский, «в „Книге про бойца” Твардовскому посчастливилось выразить стремления, мировоззрение народа, поднявшегося на смертный бой за само свое

существование» [6, с. 77], сам же поэт в статье «Как был написан “Василий Теркин”» говорил, что книга получилась такой, какова она есть, благодаря читателю-соавтору [7, с. 260].

Мудрость простого человека, его взгляды на жизнь и смерть, представления о чести и достоинстве, о ценностях бытия – все это в каждом эпизоде, в каждой строке знаменитого произведения. В детализированных зарисовках бытовой солдатской жизни, каждодневных мелких дел и в панораме героических боев, в трагических картинах беспощадной войны, в большом и малом, в близком и далеком – во всем глубокое понимание автором внутреннего мира обычного солдата, философии его бытия. Привычные простому человеку предметы, объекты природы, повседневные действия в огне войны приобретают какое-то особое, можно даже сказать, сакральное значение, что и удается показать А.Т. Твардовскому, не прибегая при этом к высокой патетике. Воплощением идеала человеческих взаимоотношений и мироустройства оказывается фронтовая семья, с ее очень понятным и прозрачным укладом, с законами, построенными на любви к ближнему, взаимоуважении, заботе, сопереживании. Вот Теркин возвращается из разведки в батальон, ведя перед собой «языка» (глава «Поединок»). Что он чувствует? Усталость и удовлетворение, как пахарь, возвращающийся с поля после тяжелой работы. О чем он думает? О сделанном деле. В авторское повествование как будто ненароком врывается несобственно-прямая речь героя, то создавая с ним дуэт, то сливаясь в унисон. Но, «прислушавшись», читатель уловит и другие голоса участников действия. Часто они не имеют никаких привычных маркеров, но создают «объем», заполняют пространство, вытесняя из него все раздражающее ухо, вызывающее физическое страдание, берящее душу; каждый шаг Теркина среди своих – это укрепление сил и духа:

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный – это свой.

Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят, –
Будет мерою душа. [7, с. 84]

В первой приведенной строфе создается образ единой большой семьи, в которой жизнь каждого – особая ценность, здоровье каждого – сердечная радость. Все равны, и все важны. В следующей строфе рисуется картина иерархических отношений (командир – подчиненный), но в этой «иерархии» все те же лучшие человеческие чувства: глубокое уважение с обеих сторон, добросердие и душевность. В двух четко выделяемых по принципу субъектной ориентации частях этой строфы несколько жизненных мудростей. Первые две выражены императивно (*доложить, сдать*), как правила-инструкции. Но это не только и не столько законы воинского устава, которые должен выполнять солдат. Скорее, это внутренняя потребность – делать доброту, по порядку, со знанием дела. Не торопиться, не спешить. «Станешь торопить, так толку не быть», «впрыжку дела не сделаешь», – гласит народная мудрость. Во второй части не случайно не указывается субъект, он не важен. Покормит любой, причем с радостью и досыта, а иначе и быть не может, ведь одна большая семья. Строки возвращают читателя к образу вернувшегося с поля уставшего труженика, заслужившего добрый обед и достойный отдых. Перефразированная известная русская поговорка-пожелание «ешь сколько душа пожелает» («Будет мерою душа») говорит здесь, конечно, не о хлебосольстве – до него ли в войну? Мы видим в этой фразе мотив награды воинов-победителей, который, как отмечает Н. В. Трофимова, звучал еще в произведениях древнерусской литературы [8,

с. 70], здесь же он органически вписывается в главу, становясь своего рода мостиком между житейским, обыденным и историческим сознанием героя. В следующей строфе, в которой угадываются фольклорные мотивы, еще шире разворачивается логика народного уклада: «Старшина отпустит чарку, / Строгий глаз в нее кося. / А потом у печки жаркой / Ляг, поспи. Война не вся» [7, с. 84]. В этих коротких сентенциях как будто пунктиром очерчена философия войны, жизни и противостояния смерти.

Философское отношение простого человека к жизни и смерти в определенной степени выражено в «Книге про бойца» в формуле, лаконично определяющей ее сюжетный принцип организации – «ни начала, ни конца». Это не означает, разумеется, что герой А. Т. Твардовского рассчитывает жить вечно. В шуточно-игривых, оптимистически окрашенных репликах, звучащих афористически, – желание простого солдата прожить «лет до девяноста», пройти «дальний путь» («Будем живы – не помрем»), и война, а вместе с нею и смерть, которые могут распорядиться иначе, несколько раз поистине чудесным образом отступают перед героическим преодолением физической боли, мучительных лишений, страданий от потерь родных и близких, от необходимости постоянного нравственного выбора, иногда невыносимо тяжелого. К. М. Симонов важнейшим нравственным мерилom в мироощущении Теркина назвал «чувство неукоснительной ответственности» [3, с. 11]. Мужественно пройти через все испытания – долг человека, который понимает эту ответственность (если не я, то кто?). Несмотря на беспощадную смертоносность войны, буквально пронизывающей эпизоды-зарисовки, жизнь оказывается сильнее. Но она не побеждает смерть, а как будто прорастает в ней, олицетворяя естественность взаимопродолжения.

К таким размышлениям подталкивает и композиция произведения, и, как уже

было отмечено, его сюжетная организация. Поэт признавался, что в построении сюжета руководствовался уже наметившейся «фронтальной "всеобщностью" содержания», делавшей «имя Теркина нарицательным в отношении живых бойцов такого типа» [7, с. 266] (курсив наш. – Ч. В.). «Книга про бойца», – пишет Ю. М. Лотман, – «противостоит канцелярским "делам" именно как жизнь, своей бесконечностью» [9, с. 259]. Причем при собирании в единый текст уже знакомых читателю отдельных глав А. Т. Твардовский, как и А. С. Пушкин в «Евгении Онегине», подчеркивает «безначальность» «Теркина» [9, с. 261], хотя сами отдельные главы, как известно, были «относительно законченным целым со своей фабулой, со своим юмором и со своим пафосом, с военным бытом и с неизбежной смертью, с началом и концом, чтобы не нужно было догадываться: что там было раньше? что будет потом?» [6, с. 79]. Диалектика начала и конца в «Василии Теркине» сродни диалектике жизни и смерти: смерть в жизни и жизнь в смерти.

На переключку «Теркина» с пушкинскими текстами, как идейную, так и художественно-инструментальную, указывали уже в 1940-е гг. [10, с. 128]. Сравнивая рассуждения о приходе смерти в главе «Кто стрелял?» с пушкинским «Октябрем», С. Р. Туманова приходит к мысли, что, в отличие от Пушкина, у Твардовского звучит мысль не о любви к жизни, а о ненависти к смерти [11, с. 109]. Между тем представляется, что с точки зрения отражения народной философии в «Василии Теркине» важнее идея преодоления смерти, а не ненависти к ней (вспомним традиционный фольклорный мотив преодоления героем смерти). Мотив смерти, который, как отмечает А. Л. Гришунин, в «этой знаменитой своей бодростью и юмором книге» [2, с. 396] занимает значительное место, сопряжен с мотивами ценности человеческой жизни и любви к жизни. В свою очередь, все

названные мотивы неразрывно связаны с патриотическими мотивами, мотивом нравственного долга, мотивом чести и честного служения родной земле и народу и, что немаловажно, мотивом памяти. Именно память о тех, кто мужественно отстаивал жизнь, помогает преодолеть смерть. «Мертвые не уходят в небытие, они становятся частью природы» – идея в духе натурфилософии [12, с. 71], то есть павшие продолжают жить, становятся частью мира в самом широком смысле, без разделения на мертвое и живое:

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас. [7, с. 178]

Проходит эта идея и в других произведениях А. Т. Твардовского, например, в стихотворении «День победу нам несет» (1943): «Братство павших и живых / Да пребудет в чести» [13, с. 95].

Она же – в посвящении, которым заканчивается «Василий Теркин»:

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.
[7, с. 226]

Несмотря на то что на каждой странице «Книги про бойца» рисуются суровые картины войны и в количественном отношении слова «смерть», «гибель» встречаются несколько чаще, чем «жизнь», они не создают доминирующей семантики, что обусловлено некоей внутренней пружиной текста, его интонационным рисунком, рассыпанными по тексту заряжающими жизнью пословицами, поговорками, речениями, лаконично и точно выражающими многовековой опыт народа (*тяжело, но можно жить*;

добрым людям люди рады; смех и грех; жив остался – не горюй и др.). Обратим внимание еще на одну особенность – слово «живой», в том числе в формуле «жив-здоров», почти в 4 раза превосходит по количеству слово «мертвый», которое встречается менее 10 раз во всем произведении.

На наш взгляд, этому же способствует персонификация смерти в произведении; она проявляется в разных ликах: и как мифологический персонаж (баба, старуха, Косая; ей можно посмотреть в глаза и даже «плюнуть в морду» [7, с. 94]), и как вещь, несущая смерть (пуля *на смерть злая, бомба-дура, осколок-дурак*).

В главе «Дед и баба» оксюмороном «живая смерть» обозначены враги. Представляется знаковой в этой же главе история с часами – символом течения жизни. Когда-то Теркин починил деду и бабе сломанные часы (глава «Два солдата»), дав им новую жизнь, но «как водится, без спросу / Снял их немец со стены» [7, с. 179], забрал надежду на будущее. Но жизнь утверждает появлением Теркина, давшего обещание, которое непременно выполнит:

– Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу. [7, с. 187]

И никто не сомневается, что так оно и будет.

В чем же причина уверенности читателя в чуть ли не безграничных возможностях Теркина – «человека самого брэнного и самого здешнего» [14, с. 7]? Почему рядом с ним молодые бойцы не хотят ударить в грязь лицом?

Теркин заражает своим неунывающим отношением к жизни, даже когда говорит о смертельной опасности («Балагуру смотрят в рот, / Слово ловят жадно» [7, с. 11]). И в глазах слушающих Теркина солдат, да и всех, кому довелось с ним встретиться, его слова вовсе не выглядят бравадой, лихим рисованием. Ему искренне верят, потому что не

только словом, а главным образом делом показывает он пример мужества и героизма, которые и позволяют пройти через все испытания.

Уже в первой главе «На привале», село объясняя разницу между малым, средним и главным сабантуем в их «военной интерпретации», он говорит как человек, испытавший на себе «науку сабантуя» и не понаслышке знающий, как страшно бывает в бою. Но убеждение его твердо: «Как ни трудно, как ни худо – / Не сдавай, вперед гляди» [7, с. 16].

Высокая идея мужества и стойкости как способа существования, преодоления смерти и страха смерти находит выражение в разговорно-прозаических формах: «Парень смолкнул на минуту, / Чтоб прочистить мундштучок, / Словно исподволь кому-то / Подмигнул: держись, дружок...» [7, с. 10]. Для понимания ситуации не нужно много слов, а высоких, патетических тем более. Советы, рекомендации, данные ненавязчиво, в шуточной форме, остаются глубоко в сознании читателя. По форме императивные, они в устах Теркина звучат как мудрость жизни, спорит с которой нет смысла, как наказ, следование которому есть единственно правильный путь: «И пойдешь в огонь любой, / Выполнишь задачу. / И глядишь – еще живой / Будешь сам в придачу. / А застигнет смертный час, / Значит, номер вышел. / В рифму что-нибудь про нас / После нас напишут» [7, с. 37]. Мотив долга, переплетаясь с мотивом жизни и смерти, в этих строках оказывается связанным с еще одним мотивом – мотивом памяти, который как будто отводит внимание от трагичности смерти и утверждает продолжение жизни в памяти потомков.

С каждой главкой балагур Василий Теркин становится все более умудренным опытом потерь и лишений, все больше углубляется психологическая мотивировка действий, многогранно раскрывается его внутренний мир, зеркально преломляющий ценности

народного сознания. Вспомним описание схватки Теркина с немцем (глава «Поединок»), которое дается крупным планом, детализированно, будто в замедленной съемке. Волнообразная напряженность авторского повествования – от эмоционально взвешенного до в высшей степени насыщенного – создает у читателя чувство глубокой сопричастности происходящему. Психологическая мотивировка действий героя, выраженная самым простым языком, с характерными разговорными интонациями, описание различных ощущений – визуальных, тактильных, обонятельных – не оставляет ни малейшего сомнения в реальности описываемого. Но еще более важным, на наш взгляд, оказывается вплетение в описание поединка нравственно-этической оценки Теркиным своего противника, его внутренних рассуждений: «Кто ж ты есть? Мне толку нету, / Чей ты сын и чей отец. / Человек по всем приметам, – / Человек ты? Нет. Подлец!» [7, с. 80]. Праведность боя и справедливость его исхода – глубокое убеждение воинов, имеющее глубокие корни, воспринятое с молоком матери. Умирать не страшно, если это идешь на смерть за правое дело. Эта идея, проходящая через все произведение, здесь поддерживается сравнением, разрушающим временные границы и устанавливающим совершенно иной «статус» битвы: «Как на древнем поле боя / Грудь на грудь, что щит на щит, – / Вместо тысяч бьются двое, / Словно схватка все решит» [7, с. 81]. Героизм народа складывается из героизма каждого из солдат. Мужеством каждого определяется общая Победа: «Кто одной боится смерти – / Кто плевал на сто смертей. / Пусть ты черт. Да наши черти / Всех чертей в сто раз чертей» [7, с. 83]. Жизнь преодолевает смерть благодаря мужеству и самоотверженности, и это нравственно-философская установка героя. Словесная игра, аллитерационное сгущение во второй части первой приведенной

строфы создают ощущение твердой решимости, которая поддерживается короткими глагольными фразами: «Бей, не милуй. Зубы стисну. / А убьешь, так и потом / На тебе, как клещ, повисну, / Мертвый буду на живом» [7, с. 83].

Жизнь противостоит смерти и в образах прошлого, воспоминания о котором не случайно появляются в те самые моменты, когда, казалось бы, думать нужно совсем о другом. Однако именно эти воспоминания, на мгновение «расслабляя» бойца, тут же поднимают в нем бунтарский дух и раззадоривают:

Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.
Нет, товарищ, зло и гордо,

Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу... [7, с. 94]

Приведенные строфы из главы «Кто стрелял», в которой, как и во многих других главах, проходит мысль о том, что мужество, готовность совершить подвиг ради Победы – это потребность воина, его нравственный выбор стоять до конца, не бояться смерти, могут быть интерпретированы как внутренний диалог между теми, кто уже сделал этот серьезный выбор для себя, и теми, кто непременно его должен сделать, но кем пока движут самые обычные человеческие чувства, которые естественны и легко понимаемы: привязанность к близкому, любовь к родному дому, тоска по родным местам, порождающие страх смерти как нежелание со всем этим расставаться.

Важной с точки зрения развития философской концепции жизни и смерти,

соотнесенной с системой нравственно-этических ориентиров, можно назвать главу «О войне». Опуская важные, но много раз ранее приводившиеся критиками и литературоведами строки, обратим внимание лишь на те, которые имеют расхождения в первоначальном и окончательном вариантах текста.

Первоначальный вариант:

На войне себя забудь,
Смелым будь со страха [7, с. 304].

Окончательный вариант:

На войне себя забудь,
Помни честь, однако... [7, с. 36]

Смысловые различия между вариантами очевидны и в высокой степени значимы. Смелость, мотивированная страхом, вряд ли может быть названа смелостью, проявлением мужества. В окончательном варианте расставлены иные акценты: противопоставление забудь – помни, которое в контексте всего произведения встраивается в сложную парадигму *жизнь – смерть – память – забвение*, выводит на новый уровень понимание читателя нравственно-этической концепции жизни и смерти: на войне жизнь особенно хрупка, смерть подстерегает солдата на каждом шагу, каждую секунду, но, хотя каждый нормальный человек хочет жить как можно дольше («Коротко и просто: / Я большой охотник жить / Лет до девяноста» [7, с. 35]), важнее выполнить свой долг, проявив мужество, сохранить честь и достоинство. Следует отметить, что в тексте поэмы о смерти павших говорится как о смерти «праведной и честной» [7, с. 126] (глава «Бой в болоте»), и в назначенный день «еще повстанут / Люди в памяти *живой*» [7, с. 126] (курсив наш. – Ч. В.). Но в то же время в «роковом соседстве» смерти и жизни последняя «предстает у Твардовского как величайшая, ни с чем не сравнимая ценность» [13, с. 397]. И трудно не согласиться с тем, что возвышению духа человека в «годину

горькую» «Василий Теркин» помогал не только задорным слогом и одновременно суровой «окопной правдой» жизни, но и главным образом идеей, воплотившейся в произведении в емкой формуле, которая в историческом сознании русского человека стала «своего рода символом Великой Отечественной войны» [13, с. 398]: «Бой идет святой и правый. Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле» [7, с. 36].

А. Т. Твардовскому было свойственно «обозначение своей нравственной, творческой и гражданской позиции через погружение в контекст исторических событий» [15, с. 10]. На наш взгляд, в «Василии Теркине» эта позиция нашла

свое выражение в нравственно-этической концепции жизни и смерти, одной из форм репрезентации которой является концепт «мужество». Идея мужества, эксплицитно и имплицитно проходя через все произведение, определяет нравственно-этическую систему координат, с точки зрения которой раскрывается философия бытия в «Василии Теркине». Она отражает мудрость народа, его представления об идеале защитника Родины, в которых постулируются высокие нравственные качества, такие как честь, достоинство, глубокое понимание долга. Возможно, этим и объясняется феномен «Василия Теркина», вышедшего «из солдатской фольклорной стихии» [1, с. 433].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин В. В. «Скольким душам был я нужен...» А. Т. Твардовский: очерки психологии творчества. Смоленск: Маджента, 2009. 456 с.
2. Гришунин А. Л. «Василий Теркин» А. Твардовского // Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М.: Наука, 1976. С. 406–516.
3. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Стихотворения (1926–1940); Страна Муравья. Поэма. Переводы / предисл. К. Симонова [примеч. Ю. Буртина и Р. Романовой]. М.: Худож. лит., 1976. 435 с.
4. Минералова И. Г. Портрет героя в поэзии Александра Твардовского о Великой Отечественной войне // Литература в школе. 2012. № 5. С. 9–13.
5. Трубина Л. А. Некоторые тенденции развития литературы о Великой Отечественной войне // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л. А. Трубиной. М.: МПГУ, 2015. С. 7–14.
6. Баевский В. С. Александр Твардовский – трагический герой нашей литературы // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 70–83.
7. Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М.: Наука, 1976. 527 с.
8. Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: МПГУ, 2017. 276 с.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
10. Турков А. М. Александр Твардовский. М.: Молодая гвардия, 2010. 406 с.
11. Туманова С. Р. «Ради жизни на земле» (об одном из аспектов поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин») // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 1. С. 107–113.
12. Дашевская О. А. Поэзия Великой Отечественной войны: эстетика, проблематика, жанрово-стилевые тенденции: учеб.-метод. пособие для студентов-филологов. Томск, 2016. 136 с.
13. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Стихотворения (1940–1945); поэмы: Василий Теркин; Дом у дороги / [примеч. Ю. Буртина и Р. Романовой]. М.: Худож. лит., 1977. 430 с.
14. Страшнов С. Л. О демократизме «Книги про бойца» А. Твардовского // Вестн. Ивановского гос. ун-та. Сер.: «Гуманитарные науки». 2019. Вып. 4. С. 5–13.

15. Бестолков Д. А. «Пусть не слышен наш голос, – Вы должны его знать» (Нравственный императив в творческом сознании А. Т. Твардовского) // Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (14). С. 8–11.

REFERENCES

1. Ilyin V. V. "Skolkim dusham byl ya nuzhen..." A. T. Tvardovskiy: ocherki psikhologii tvorchestva. Smolensk: Madzhenta, 2009. 456 p.
2. Grishunin A. L. "Vasilii Terkin" A. Tvardovskogo. In: Tvardovskiy A. T. *Vasilii Terkin. Kniga pro boytsa*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 406–516.
3. Tvardovskiy A. T. *Coll. works. In 6 vols. Vol. 1: Stikhotvoreniya (1926–1940); Strana Muraviya. Poema. Perevody*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1976. 435 p.
4. Mineralova I. G. Portret geroya v poezii Aleksandra Tvardovskogo o Velikoy Otechestvennoy voyne. *Literatura v shkole*. 2012, No. 5, pp. 9–13.
5. Trubina L. A. Nekotorye tendentsii razvitiya literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne. In: Trubina L. A. (ed.) *Otechestvennaya slovesnost o voyne. Problema natsionalnogo soznaniya: K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne. Proceedings of the XX conference "Sheshukovskie chteniya"*. Moscow: MPGU, 2015. Pp. 7–14.
6. Baevskiy V. S. Aleksandr Tvardovskiy – tragicheskiy geroy nashey literatury. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya*. 2010, No. 3, pp. 70–83.
7. Tvardovskiy A. T. *Vasilii Terkin. Kniga pro boytsa*. Moscow: Nauka, 1976. 527 p.
8. Trofimova N. V. *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya*. Moscow: MPGU, 2017. 276 p.
9. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p.
10. Turkov A. M. *Aleksandr Tvardovskiy*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. 406 p.
11. Tumanova S. R. "Radi zhizni na zemle" (ob odnom iz aspektov poemy A.T. Tvardovskogo "Vasilii Terkin"). *Vestnik RUDN. Ser.: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost*. 2013, No. 1, pp. 107–113.
12. Dashevskaya O. A. *Poeziya Velikoy Otechestvennoy voyny: estetika, problematika, zhanrovo-stilevye tendentsii: ucheb.-metod. posobie dlya studentov-filologov*. Tomsk, 2016. 136 p.
13. Tvardovskiy A. T. *Coll. Works. In 6 vols. Vol. 2: Stikhotvoreniya (1940–1945); poemy: Vasilii Terkin; Dom u dorogi*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 430 p.
14. Strashnov S. L. O demokratizme "Knigi pro boytsa" A. Tvardovskogo. *Vestn. Ivanovskogo gos. un-ta. Ser.: "Gumanitarnye nauki"*. 2019. Iss. 4, pp. 5–13.
15. Bestolov D. A. "Pust ne slyshen nash golos, – Vy dolzhny ego znat" (Nrvstvennyy imperativ v tvorcheskom soznanii A. T. Tvardovskogo). *Gumanitarnye issledovaniya*. 2017, No. 1 (14), pp. 8–11.

Чжан Вэй, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет

e-mail: 1548322072@qq.com

Zhang Wei, PhD post-graduate student, Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: 1548322072@qq.com

Статья поступила в редакцию 12.09.2021

The article was received on 12.09.2021